

Глава 9. Сотворение мегамашины

1. Незримая машина

Воздавая должное безграничности и мощи Божественной царской власти и в качестве мифа, и в качестве действующего установления, я приберег для более пристального рассмотрения один её важный аспект, её величайшее и оказавшееся наиболее стойким нововведение — изобретение первичной машины. Это необычное изобретение, по сути, оказалось самой ранней моделью для всех позднейших сложных машин, хотя постепенно акцент смещался с человеческих рабочих звеньев на более надёжные механические элементы. Уникальной задачей царской власти стало набрать нужное количество живой рабочей силы и распорядиться ей для выполнения таких масштабных работ, какие никогда раньше не предпринимались. В результате этого изобретения пять тысяч лет назад были проведены огромные инженерные работы, способные поспорить с лучшими сегодняшними достижениями в сфере массового производства, стандартизации и детального проектирования.

Эта машина обычно ускользала от внимания и потому, естественно, так и оставалась неназванной вплоть до нашей эпохи, когда появился гораздо более мощный и современный тип, использующий целое множество вспомогательных машин. Для удобства я буду обозначать архетипическую форму разными именами, в зависимости от конкретной ситуации.

Так как составляющие этой машины, даже если она функционировала как совершенно слаженное целое, неизбежно разделялись пространством, в некоторых случаях «незримой машиной»; когда же речь пойдёт о выполнении сложной работы с высокой коллективной организацией, я буду называть её «рабочей машиной»; а применительно к действиям коллективного принуждения и уничтожения, она заслуживает прозвания (имеющего хождение и сегодня) «военной машины». При сочетании сразу всех компонентов — политических, хозяйственных, военных, бюрократических и царских, — ей подойдёт термин «мегамашина»: иначе говоря, Большая машина. Техническое оборудование, порождённое такой мегамашиной, становится «мега-техникой» — в отличие от более скромных и разнообразных способов технологии, которые вплоть до нашего столетия продолжали выполнять большую часть повседневной работы в цехах и на полях, иногда с помощью энергетических механизмов.

Люди обычных способностей, полагаясь только на мускульную силу и традиционные навыки, могли выполнять широкий круг задач, в том числе изготавливать посуду и ткать, без всякого внешнего понуждения и научного руководства, за исключением знаний, заключённых в традициях местной общины. Не так обстояло дело с мегамашинной. Только цари, полагаясь на учение астрономической науки и опираясь на религиозные санкции, оказались способны собрать мегамашину и управлять ей. Это было незримое сооружение, состоявшее из живых, но пассивных человеческих деталей, каждой из которых предписывалась особая обязанность, роль и задача, чтобы вся громада коллективной организации производила огромный объём работы и воплощала в жизнь великие замыслы.

Поначалу ни одному мелкому вождю было не под силу организовать мегамашину и привести её в движение. И хотя абсолютное утверждение царского могущества покоилось на сверхъестественных санкциях, сам по себе институт царской власти не получил бы столь широкого распространения, если бы эти притязания не оправдывались колоссальными свершениями мегамашинной. Её изобретение явилось высшим достижением ранней цивилизации — техническим подвигом, который послужил моделью для всех позднейших форм механической организации. На протяжении почти пяти тысяч лет эта модель передавалась (причём иногда всё её части сохранялись в хорошем рабочем состоянии, а иногда в видоизменённой форме) исключительно благодаря человеческим средствам, прежде чем она была переработана в некую материальную структуру, наиболее всего отвечающую её особенностям, и превратилась во всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни.

Понять момент возникновения мегамашинной и её дальнейшую «родословную» значило бы по-новому взглянуть на истоки нашей нынешней чрезмерно механизированной культуры, на судьбу и участь современного человека. Мы обнаружим, что первоначальный миф машинной отразил причудливые надежды и желания, которые с лихвой исполнились уже в нашу эпоху. В то же время, он налагал суровые ограничения и принуждал к жестокому рабству; и эти обстоятельства — как напрямую, так и в силу вызванного ими противодействия — сегодня угрожают человечеству куда более губительными последствиями, чем в эпоху пирамид.

Наконец, мы увидим, что с самого начала все благие деяния механизированного производства омрачались процессом массового уничтожения, ставшим возможным благодаря мегамашине.

Хотя мегамашинная возникла в ту пору, когда впервые начали использовать медь для изготовления орудий и оружия, это было независимое изобретение: механизация труда самого человека началась задолго до механизации его рабочих инструментов, так как её корни следует искать в древнем порядке ритуала. Однако, едва появившись, этот новый механизм стал быстро распространяться, — его перенимали для самозащиты, а также насильственным путём насаждали цари, действовавшие словно боги или, как минимум, помазанники божий. Где бы ни была успешно применена мегамашинная, она увеличивала производство энергии и позволяла выполнять работу на таком уровне, о каком раньше нельзя было и мечтать. Возможность сосредоточивать огромную механическую силу вывела на сцену новый динамизм: в результате своих же собственных успехов он преодолевал ленивую рутину и лёгкое сопротивление деревенской культуры, бытовавшей совсем в ином

масштабе.

Энергия, ставшая доступной благодаря машине царской власти, значительно расширила пространственно-временные измерения: те операции, на завершение которых прежде ушли бы столетия, теперь выполнялись всего за несколько десятилетий. Среди гладких равнин по царскому изволению выросли рукотворные горы из камня или обожжённой глины — пирамиды и зиккураты; по сути, преобразился весь ландшафт: отныне его строгие линии и геометрические формы несли отпечаток одновременно космического порядка и негибимой человеческой воли. Ни одна сложная энергетическая машина, хоть сколько-нибудь сопоставимая с этим механизмом, не применялась с подобным размахом вплоть до XIV столетия Новой эры, когда Западную Европу заполонили механические часы, ветряные и водяные мельницы.

Почему же этот новый механизм укрывался и от археолога, и от историка? По той простой причине, которую мы уже упоминали в нашем первом определении, что он состоял исключительно из человеческих деталей; и обладал вполне определённой функциональной структурой лишь до тех пор, пока религиозные предписания, магические заклинания и царские повеления, сводившие это всё воедино, принимались всеми членами общества как нечто, не поддающееся никаким сомнениям. Но стоило только ослабнуть поляризующей силе царской власти — например, если владыка умирал или терпел поражение в битве, либо из-за недоверия народа или мстительных восстаний, — и вся машина рушилась. Тогда её элементы либо заново группировались в меньшие единицы (феодалные или городские), либо исчезали вовсе, — как прекращает существовать разгромленная армия, когда прерывается цепочка командования.

В действительности, эти первые коллективные машины так же подвергались разрушению и в чём-то были так же хрупки и уязвимы, как и богословско-магические представления, легшие в их основу. Поэтому те, кто распоряжались действием этих машин, постоянно пребывали в состоянии тревожного напряжения, — зачастую небезосновательно опасаясь ереси или измены от своих ближайших подчинённых, а также бунтов и мятежей со стороны беднейших масс населения. Если бы не покорная вера и беспрекословное повиновение царской воле, которого добивались правители, полководцы, чиновники, надсмотрщики, эту машину невозможно было бы привести в действие. И когда нужные условия не соблюдались, мегамашина легко ломалась.

С самого начала человеческая машина представляла два аспекта: один — отрицательный, принудительный, слишком часто разрушительный, и второй — положительный, благоприятствующий жизни, созидательный. Однако вторые факторы не могли как следует срабатывать, если в большей или меньшей мере не присутствовало первых.

Хотя зачаточные формы военной машины почти наверняка возникли раньше рабочей машины, именно последней удалось достичь непревзойдённого совершенства исполнения — не только по количеству сделанной работы, но и по качеству и сложности её организованных структур.

Называя эти коллективные единства машинами, мы не просто играем словами. Если машину можно определить (более или менее в соответствии с классическим определением Франца Рело) [46] как сочетание сопротивляющихся частей, каждой из которых отводится особая функция, действующее при участии человека для использования энергии и для совершения работы, — то тогда огромную рабочую машину можно с полным основанием называть настоящей машиной: тем более, что её компоненты, пусть они состоят из человеческих костей, жил и мускулов, сводились к своим чисто механическим элементам и жёстко подгонялись для выполнения строго ограниченных задач. Хлыст надсмотрщика служил залогом согласия. Подобные машины были собраны, если не изобретены, царями уже на ранней стадии эпохи пирамид, в конце четвёртого тысячелетия.

Именно в силу своей оторванности от каких бы то ни было жёстких внешних структур, эти рабочие машины отличались гораздо большей способностью к изменению и приспособлению, чем ограниченные металлические аналоги какой-нибудь современной монтажной линии. В строительстве пирамид мы видим не только первые несомненные свидетельства существования такой машины, но и доказательства её поразительной эффективности. Куда бы ни распространялась царская власть — «незримая машина», если не в созидательной, то в разрушительной разновидности, следовала за ней. Это верно в отношении не только Египта, но и Месопотамии, Индии, Китая, Юкатана, Перу.

К тому времени, когда мегамашина обрела форму, все предварительные стадии её подготовки уже были преданы полному забвению: так что нам остаётся лишь гадать, как именно отбирались её «винтики», как между ними распределяли места и обучали обязанностям. В некоторой точке этого процесса некий изобретательный ум (или скорее, сразу несколько изобретательных умов), продолжая следовать по начатому пути, должно быть, сумел постичь главную задачу: нужно мобилизовать огромное количество людей и строго согласовать их действия во времени и пространстве для выполнения заранее определённой, ясно сформулированной и чётко обдуманной цели.

Трудность заключалась в том, как превратить случайное собрание оторванных от своих семей, общин и привычных занятий людей, у каждого из которых имеется собственная воля или, по крайней мере, память, — в некое механизированное единство, коим можно было бы управлять с помощью приказов. Секрет механического контроля — в едином разуме с хорошо определённой задачей во руководителю организации, а также в методе передавать нужные сообщения по цепочке чиновников-посредников, пока те не будут доведены до малейшего «винтика». При этом неизменными условиями являются и точное воспроизведение приказа, и беспрекословное его выполнение.

По-видимому, впервые сложность этой задачи и познали квазиевровые организации, в которых сравнительно небольшое число охотников, приученных слушаться своего предводителя, должны были присматривать за гораздо более многочисленными, но лишёнными всякой организации, крестьянами. Так или иначе, созданный тип механизма никогда не срабатывал, если за словесным приказом не имелось мощного резерва принудительной силы; и сам такой метод действий, и сопутствующая ему структура, скорее всего, почти без изменений перешли во все позднейшие известные нам военные организации. По сути дела, с помощью армии стандартная модель мегамашин и

передавалась от культуры к культуре.

Если и требовалось одно-единственное изобретение, чтобы этот огромный механизм срабатывал как для выполнения конструктивных задач, так и для принуждения, то это была письменность. Метод переноса речи в графические записи позволил не просто передавать различные приказы и известия в пределах всей системы, но и фиксировать те случаи, когда письменные приказы не выполнялись. Подотчётность и письменное слово шли рука об руку в истории, так как приходилось контролировать действия огромного количества людей; и не случайно письменные знаки впервые были употреблены не для передачи идей — религиозных или каких-либо иных — а для ведения храмовых отчётов о зерне, скоте, посуде, об изготовленных, собранных и израсходованных товарах.

Произошло это весьма рано; так, на додинастической булаве Нармера, хранящейся в Ашмолеанском музее в Оксфорде, имеется запись о захвате 120 000 пленников, 400 000 быков и 1422 000 козлов. Представляется, что арифметический подсчёт был даже большим подвигом, чем сам захват добычи.

Действие на расстоянии, при посредничестве писцов и гонцов-сороходов, являлось одним из отличительных признаков новой мегамшины; и если писцы составляли сословие привилегированных профессионалов, это объяснялось тем, что машина не могла обходиться без их постоянных услуг: для её успешного функционирования требовалось зашифровывать и расшифровывать царские повеления. «Писец заправляет всякой работой, какая ни есть в этой земле», — читаем мы в одном египетском сочинении эпохи Нового царства. По сути, писцы играли роль, пожалуй, в чём-то сходную с ролью политруков в советской Красной армии. Они осуществляли постоянные «отчёты перед политштабом», чрезвычайно важные для функционирования подчинённой единому центру организации.

Не важно, какая машина появилась первой — военная или рабочая: механизм у них был одинаковый. Что представляли собой египетские и месопотамские отряды, устраивавшие набеги на соседей или разрабатывавшие копи, — военные или гражданские организации? Поначалу эти функции были неразличимы, вернее, взаимозаменяемы. В обоих случаях основной единицей являлся небольшой отряд, находившийся под началом главы отряда. Такой порядок организации господствовал даже на территориях богатых землевладельцев Древнего царства. Согласно Эрману [47], эти отряды объединялись в своего рода товарищества, выступавшие под собственными знамёнами. Во главе каждого товарищества стоял главный работник, имевший должность «предводителя товарищества». Можно смело сказать, что ничего подобного не существовало в раннеолитических сёлах. «Египетский чиновник, — замечает Эрман, — не способен думать об этих людях иначе, как о целой группе; отдельный работник не существует для него, как не существует отдельный солдат для наших высших армейских чинов».

Именно таков был изначальный образец первичной мегамшины, который с тех пор существенно не менялся.

С развитием мегамшины широкое разделение труда очень рано стало применяться в крайне специализированных областях в зависимости от задач и обязанностей, длительное

время знакомое нам по армии. Флиндерс Петри замечает, что в деле разработки копей (как я уже говорил, и в Египте, и в Месопотамии этим занималась рабочая армия, практически не отличавшаяся от армии военной) практиковалось весьма дотошное разделение труда. «Нам известно из записей, найденных на мумиях, — говорит Петри, — как дотошно распределялся труд. Каждая деталь вменялась в обязанность какому-то одному человеку; один разведывал руду, другой испытывал породу, третий заботился о добытом металле. Насчитывается свыше пятидесяти квалификаций и степеней чиновников и работников, названных среди участников таких поисковых экспедиций».

Распределение обязанностей неизбежно стало частью общественного устройства в целом, действовавшего за пределами замкнутого пространства мегамшины. А к V веку до новой эры — то есть к тому времени, когда Египет посетил Геродот — тотальное разделение труда и мельчайшее дробление по специальностям — уже не ограничивавшееся мегамшиной, — достигло уровня, почти сопоставимого с тем, что наблюдается в настоящее время. Так, Геродот замечает, что «... одни врачи лечат глаза, другие — голову, третьи — зубы, четвёртые — живот, а прочие — болезни внутренних органов».

Однако следует отметить разницу между древней человеческой машиной и её современными «соперниками», уже не столь нуждающимися в людской силе, — разницу в методе достижения цели. Каковы бы ни были конечные результаты, приносимые современными машинами, все эти машины задумывались как устройства, экономящие труд: то есть, они должны выполнять максимальное количество работы с минимальным непосредственным участием человека. В замысле же древнейших машин не предусматривалось никакой экономии людского труда: напротив, это были устройства, использующие труд, и у их изобретателей имелись основания гордиться увеличением числа занятых работников, которых они могли, при умелой организации, привлечь к новым задачам, — лишь бы объёма самой работы хватало.

Общее предназначение обоих типов машин совпадало: их изобрели чтобы они с безошибочной точностью и слаженной мощью выполняли такие задачи, какие были не по плечу вооружённым орудиями, отдельным людям, не объединённым в строгую организацию. Оба типа машин достигли дотолё недостижимого уровня исполнения. Но вместо того, чтобы освободить труд, царская мегамшина похвалялась тем, что пленила и поработила его.

Нужно признать: если бы возобладали естественные человеческие способы работы, при которых люди добровольно брались бы за выполнение насущных задач, то колоссальные замыслы древних цивилизаций, скорее всего, так и не были бы воплощены в жизнь. Вполне вероятно даже, что современная машина, не состоящая из людей, управляемая внешними источниками энергии и предназначенная для экономии труда, — никогда бы не была изобретена: ведь, чтобы полностью механизировать саму машину, вначале следовало «социализировать» механических посредников. Но в то же время, если бы коллективная машина не могла использовать принудительный труд — обеспечивавшийся или периодическим набором людей, или порабощением, — возможно, удалось бы избежать колоссальных ошибок, просчетов и ненужных трат, которыми неизменно сопровождалась работа мегамшины.

2. Механические стандарты исполнения

Теперь давайте изучим человеческую машину в её архетипической форме. Как это часто бывает, изначальный вариант отличался определённой ясностью, утраченной впоследствии, когда машина растворилась в более сложных структурах позднейших обществ, смешавшись с привычными более скромными пережитками. И если мегамашина никогда не достигала более высокого уровня исполнения, нежели в эпоху пирамид, — это, возможно, объясняется не только исключительными инженерными дарованиями тех, что замыслили и запустили в действие ранние машины, но ещё и тем, что миф, который помог сплотить человеческие элементы машины, никогда впредь не обретал такой массовой притягательности, какая сохранялась вплоть до правления шестой династии, не зная ослабления и опасностей. До того времени триумфы этого мифа были неоспоримы, а его хронические пороки оставались всё ещё незамеченными.

Среди всех строительных подвигов, которыми прославилась мегамашина, архетипической моделью может служить пирамида. Своими основными геометрическими формами, изысканной точностью пропорций, а также организацией всей необходимой рабочей силы и громадным объёмом строительных работ, потребовавшихся для их сооружения, законченные пирамиды в совершенстве демонстрируют уникальные свойства этого нового технического комплекса. Чтобы выявить свойства данной системы, я сосредоточусь лишь на самой пирамиде, — а именно, на Большой пирамиде в Гизе.

Египетская пирамида задумывалась как гробница для забальзамированного тела фараона, откуда ему предстояло благополучно перейти в загробный мир. Поначалу лишь у царя имелась такая надежда продлить своё существование, уподобившись богам. В мумии и пирамиде время символически останавливалось навсегда. Небесная участь царя изменяла все земные установления; однако, как и в случае с сегодняшним покорением космоса, простой человек не играл в этом никакой роли — разве что платил подати натурой или принудительным трудом.

Между появлением первой каменной пирамиды — ступенчатой формы, какую позднее мы обнаружим в Месо-Америке, — и строительством мощной пирамиды Хеопса (Хуфу), фараона из четвёртой династии, этого первого и самого долговечного из «семи чудес» древнего мира [48], прошло менее полутора столетий: такая перемена сопоставима по скорости с развитием строительной техники с применением стальных каркасов в нашу эпоху. С точки зрения временного масштаба, приложимого к изобретениям древности, наиболее примитивная форма и форма окончательная, никогда более не превзойдённая, возникли практически одновременно.

Быстрота этого развития свидетельствует о концентрации физической силы и технического воображения. Трансформация тем более поразительная, что усыпальницы фараонов не были одиночными постройками: они являлись частью целого города мёртвых, сложной структуры со зданиями для жрецов, которые совершали особые обряды, необходимые, как верили египтяне, для того, чтобы усопшее божество могло в будущем вести счастливую загробную жизнь.

Большая пирамида — один из грандиознейших и совершеннейших образцов инженерного искусства всех эпох и всех культур. Даже если не делать скидок на примитивность орудий, доступных в третьем тысячелетии до новой эры, ни одно современное сооружение не превосходит её ни технической виртуозностью, ни смелостью замысла. Между тем, великий замысел был приведён в исполнение культурой, которая только что вышла за рамки каменного века и ещё длительное время продолжала использовать каменные орудия, хотя применялась и медь для резцов и пил, служивших для обработки массивных каменных плит для новых памятников. Все операции выполнялись вручную.

Всеобщая рабочая повинность (если не прямое рабство) был важной частью системы: он служил источником необходимого количества энергии. Эрман утверждает, что даже жречество не освобождалось от этой трудовой повинности. Сами строительные операции выполнялись рабочими, владевшими особыми ремесленными навыками, а им помогала целая армия неквалифицированных или полуквалифицированных работников, которых периодически набирали из числа земледельцев. Всю работу осуществляли без применения каких-либо механических приспособлений, не считая двух «простых машин» классической механики — наклонной плоскости и рычага, ибо в ту пору ещё не изобрели ни колеса, ни шкива, ни винта. По сохранившимся изображениям подобных строительных работ мы знаем, что группа людей тащила по песчаной пустыне сани, груженные огромными каменными глыбами. Но вспомним: одна лишь каменная плита, закрывавшая вход во внутреннюю усыпальницу Большой пирамиды, где покоилось тело фараона, весила пятьдесят тонн. Сегодня любой архитектор дважды подумает, прежде чем начнёт призывать к таким подвигам механики.

Между тем, Большая пирамида — нечто большее, чем гигантское нагромождение камней с площадью основания в 54 тысяч метров и высотой в 146,6 метров. Она представляет собой сооружение со сложным внутренним пространством, состоящим из ряда коридоров, проложенных на разных уровнях и ведущих к спрятанной в глубине погребальной камере. В то же время, каждый отдельный элемент пирамиды строился с такой точностью, какая бывает свойственна (как верно подметил Брестед) скорее искусству часовщика, нежели современному мостостроителю или архитектору, создающему чертежи небоскрёбов. Каменные глыбы пригонялись друг к другу вдоль длинной черты, а зазоры между ними не превышают 0,02 миллиметров, тогда как длины сторон в основании разнятся не более чем на 20 сантиметров — при том, что все сооружение простирается на целые акры. Таким образом, тщательные измерения, безошибочная механическая точность и безупречное совершенство не являются монополиями нашего века. Фараоновское общественное устройство перешагнуло через пять тысячелетий, создав первую крупномасштабную энергетическую машину — машину, мощность которой составляла от 25 000 до 100 000 человеческих сил, что равняется по меньшей мере 2 500 лошадиным силам.

Совершенно ясно, что ни обычные человеческие руки, ни обычные человеческие усилия, ни обычный способ человеческого взаимодействия, какой использовался при строительстве деревянных хижин или при обработке полей, не смогли бы мобилизовать эту сверхчеловеческую силу или достичь этих почти сверхъестественных результатов. Лишь богоподобный царь мог потребовать такого мощного и целенаправленного выплеска коллективной человеческой воли и произвести такие крупномасштабные материальные

преобразования. Возможно ли было завершить столь трудоёмкие инженерные работы без помощи машины? Разумеется, нет. Эти громадные сооружения можно было возвести только посредством сложной энергетической машины. Сам конечный продукт показывает, что он явился плодом работы не просто машины, но чрезвычайно хитроумно устроенной машины.

И хотя материальное оснащение династического Египта всё ещё оставалось на очень примитивном уровне, этот недостаток восполняли терпеливый ремесленный труд и строгий метод. Мегамашина состояла из множества единообразных, специализированных, взаимозаменяемых, но функционально дифференцированных частей, строжайшим образом подогнанных друг к другу и настроенных на единый процесс, организованный и управляемый из одного центра: так каждый элемент действовал как механический компонент механизированного целого.

Спустя каких-нибудь три столетия (а в Египте, наверное, и в два раза раньше) человеческая машина была усовершенствована. Мышление, задумавшее и пирамиды, и массивные храмы, и обнесённые мощными стенами большие города, отражало новый человеческий тип, способный воплощать абстрактный ряд сложных функций в некое структурное единство, окончательная форма которого определяла каждый этап работы. Для возведения этих грандиозных построек требовались не только математические вычисления, но и подробнейшие астрономические наблюдения, так что каждая сторона здания была вытянута вдоль прямых, в точности указывавших направления стрелок компаса. Тщательные измерения сочетались со строгими стандартами ремесла — непревзойдёнными вплоть до нашей эпохи. Поскольку в сезон разлива Нила пирамиды находятся на расстоянии лишь четверти мили от речных вод, для них понадобился каменный фундамент — а для этого пришлось удалить лишний слой песка. У Большой пирамиды периметр основания отклоняется от истинного уровня на полдюйма с лишним.

Умы, решавшие эти задачи и приводившие в исполнение эти замыслы, были безусловно умами высшего порядка, удивительным образом аккумулировавшими в себе способность к теоретическому анализу, практическую смекалку и творческое предвидение; так, Имхотеп, построивший первую каменную пирамиду в Саккаре [49], прославился не только как архитектор, но и как государственный министр, астроном и врач. Это были не «узкие специалисты» и не какие-нибудь «эксперты», а люди, свободно перемещавшиеся по всему полю человеческого существования, подобно великим художникам итальянского Ренессанса. Их дерзостная искусность и самоуверенность выдерживала любое испытание: порой она даже бросала вызов благоразумию и исчерпывала без остатка силы своих могучих машин, — как произошло позднее с вырубленным в скале Асуанским обелиском, весившим 1168 тонн, который так и не удалось отделить от скального основания.

У рабочих, воплощавших все эти замыслы, тоже развилось мышление нового порядка — механически обусловленное, исполнявшее каждое задание в строжайшем соответствии с инструкциями, безгранично терпеливое, ограничивавшее реактивность лишь повиновением словам приказа. Машинную работу может выполнять только машина. Личность рабочих, пока они были заняты трудом, как бы сводилась исключительно к рефлексам, чтобы обеспечивать механически совершенное исполнение. Впрочем, их начальники умели читать письменные приказы; да и наёмные работники, наверное, разбирали кое-какие знаки,

потому что, как упоминает Эдварде, они оставили на глыбах Медумской пирамиды свои имена, нанесённые красной охрой: «Лодочная артель», «Сильная артель», «Умелая артель» и так далее. С такой привычкой к механическому порядку они, наверное, чувствовали бы себя как дома на какой-нибудь сегодняшней фабричной линии сборки. Не хватало только фотографии красотики, приклеенной к стене.

Схожие по организации, по способу работы, по темпу производства и по конечному продукту, машины, которыми строились пирамиды и большие храмы и которыми выполнялись все крупные строительные работы «цивилизации» в других краях и культурах, — были бесспорно настоящими машинами. Своими основными действиями они коллективно выполняли эквивалент операций целого множества экскаваторов, бульдозеров, тракторов, механических пил и пневматических дрелей, с такой точностью измерений, чистотой приёмов и ровным количеством выработки, какие могли бы и сегодня послужить предметом гордости. Данные качества были характерны не только для Египта: «Немецкие археологи, раскапывавшие древний Урук, подсчитали, что для возведения одного лишь храмового комплекса Proto-Literate должно было потребоваться 1500 человек, с условием, что каждый работал по десять часов в сутки, а строительство продолжалось пять лет».

Такое расширение размеров во всех направлениях, такой «подъём потолка» для человеческих усилий, такое подчинение личных способностей и интересов процессу механической работы, такое объединение множества работников для выполнения единой цели могло исходить лишь из одного источника — божественной власти, которой обладал царь. Царь (или, скорее, царская власть) являлся перводвигателем. В свою очередь, ошеломляющий успех предприятия укреплял его власть.

Не следует забывать, что такой строгий и всеобъемлющий порядок исходил свыше: это было осознание предсказуемых движений Солнца и планет, или даже (если была верна давняя догадка Зелии Наттолл) ещё более устойчивого и предсказуемого положения полярной звезды. В гигантских коллективных действиях — например, в храмовых церемониях, — именно царь отдавал начальные приказания, и именно царь требовал абсолютного повиновения и карал даже малейшее ослушание. И один лишь царь обладал божественным правом превращать людей в механические объекты и собирать из этих объектов нужную ему машину. Тот порядок, который перешёл от Небес к царю, распространился на каждую из частей машины, а со временем породил и подспудное механическое единство в прочих установлениях и делах: все они стали обнаруживать ту же регулярность, которая прослеживалась в движениях небесных тел.

Ни одному более древнему мифу, ни одному божеству вегетации и плодородия не удавалось в прежние времена учредить такого рода абстрактный порядок или сосредоточить в руках одного человека столько власти, оторванной от непосредственного служения жизни. Но обратим внимание на то, что к этой власти было по-настоящему причастно лишь меньшинство, тесно связанное с мегамашинной; зато сопротивлявшиеся ей заигрывали со смертью: они с таким же успехом могли бы противиться движению звёзд. Несмотря на многочисленные промахи и неудачи, эти «космические» фантазии остались в неприкосновенности вплоть до настоящего времени: по сути, они лишь заново явились в обличье «абсолютного оружия» и «абсолютного суверенитета» — этих далеко не невинных

галлюцинаций «атомного века».

3. Монополия власти

Чтобы понять устройство или действие человеческой машины, недостаточно сосредоточить своё внимание лишь на тех моментах, где она себя материализовала. На таком уровне невозможно понять даже нашу нынешнюю технологию с её обширным разветвлением видимых машин.

Для работы машины были необходимы два фактора: надёжная организация знаний о вещах как естественных, так и сверхъестественных, — и тщательно разработанный порядок, позволявший отдавать приказы, выполнять их и следовать им. Ответственность за первый фактор лежала на жрецах, без чьей активной помощи сам институт царской власти просто не сложился бы; второе же условие обеспечивали чиновники. И жречество, и чиновничество являлись иерархическими организациями, на вершине которых стояли, соответственно, верховный жрец и царь. Без их объединённых усилий весь комплекс власти не смог бы действительно срабатывать. Такое же положение сохраняется и по сей день, хотя существование автоматизированных фабрик и компьютерного управления помогает скрыть и человеческие составляющие, и религиозную идеологию, важную даже для нынешней эпохи автоматизации.

То, что сейчас назвали бы наукой, с самого начала составляло неотъемлемую часть новой машины. Это упорядоченное знание, основывавшееся на регулярном характере космоса, как мы видели, расцвело одновременно с культом солнца: наблюдение за звёздами и создание календаря совпало со становлением царской власти и поддержало её, жрецы и прорицатели посвящали немалые усилия истолкованию значения таких необычных событий, как появление комет, солнечные или лунные затмения, или гаданию по странным природным явлениям — например, по полёту птиц либо по внутренностям жертвенных животных.

Ни один царь не мог действовать уверенно и успешно без опоры на организованное «высшее знание», точно так же, как и Пентагон сегодня не способен действовать без консультаций с различными учёными-специалистами, техническими экспертами, теоретиками игр и компьютерами; эта новая иерархия, на первый взгляд, менее подвержена ошибкам, чем предсказания птицегадателей, — однако, судя по некоторым грубым просчётам, ненамного более надёжна.

Чтобы такое знание могло приносить пользу, оно должно оставаться тайной монополией жреца. Если бы у всех имелся равный доступ к источникам знаний и к системе толкования, никто бы не верил в их непогрешимость, поскольку в таком случае ошибки не удавалось бы утаивать. Поэтому возмущённый протест Ипувера [50] против мятежников, которые свергли Древнее царство в Египте, объяснялся тем, что «таинства храма были разоблачены», — иначе говоря, что они сделали «секретную информацию» общедоступной. Тайное знание — ключ к любой системе тотального контроля. До изобретения печатного станка и письменное слово оставалось преимущественно классовой монополией. Сегодня язык высшей математики и компьютеризация заново породили и тайну, и монополию, позволив

возобновить тоталитарный контроль.

Не последней по важности чертой сходства царской власти с солнцепоклонством было то, что царь, как и солнце, источал могущество на расстоянии. Впервые в истории власть стала осуществляться на расстоянии, намного превышавшем непосредственный радиус действия человеческой руки. Ни одно военное оружие само по себе не обладало таким могуществом. Всё, что требовалось, — это особая разновидность передаточного механизма: армия писцов, гонцов, управляющих, надсмотрщиков, артельщиков, главных и второстепенных исполнителей, само существование которых всецело зависело от их преданного выполнения царских приказов или приказов непосредственных начальников — могущественных сановников и полководцев. Иными словами, неотъемлемой частью мегамшины служила хорошо организованная бюрократия — то есть, группа людей, способных передавать и выполнять приказания с ритуалистичной педантичностью жреца и бездумным послушанием солдата.

Вообразить, будто бюрократия сравнительно недавнее изобретение, — значит, пренебрегать анналами древней истории. Первые документы, свидетельствующие о существовании чиновничества, относятся к эпохе пирамид. В надписи на кенотафе [51] в Абидосе некий чиновник, служивший при дворе фараона Пепи I из шестой династии, около 2375 года до новой эры, докладывал: «Его величество отправил меня во главе войска, тогда как знать, хранители печати царя Нижнего Египта, единственные спутники Дворца, главы номов и градоправители Верхнего и Нижнего Египта, товарищи и главные переводчики, главные прорицатели Верхнего и Нижнего Египта, и главные сановники, — каждый из них стоял во главе отдельного отряда Верхнего или Нижнего Египта, или же деревень и городов, которыми они управляли».

Данный текст говорит не только о существовании бюрократии, но, как и свидетельство Петри, приводившееся выше, показывает, что уже произошли разделение труда и специализация функций, необходимые для успешного действия чиновничьего механизма.

Это развитие началось по меньшей мере тремя династиями раньше: а именно (что не случайно) при строительстве большой каменной пирамиды Джосера в Саккаре. В «Граде непобедимом» Джон Уилсон замечает: «Мы обязаны Джосеру не только началом монументальной каменной архитектуры в Египте, но и созданием нового чудовища — бюрократии». Это не было простым совпадением. И У. Ф. Олбрайт, комментируя данное событие, указывает, что «... возросшее число титулов, обнаруживаемое в печатях периода первой династии... несомненно, заставляет предположить существование довольно сложного аппарата чиновников».

После учреждения иерархической структуры человеческой машины теоретически уже не было границ для числа рабочих рук, которыми она управляла, или для власти, которой она обладала. Устранение человеческого измерения и органических пределов, собственно, и составляет предмет гордости подобной авторитарной машины. Частично её эффективность объяснялась применением неограниченного физического принуждения для преодоления человеческой лени или телесной усталости. Важным шагом в сотворении человеческой машины стала и профессиональная специализация: ведь достичь сверхчеловеческой

точности и совершенства результата можно было только благодаря напряжённой концентрации навыков в каждой точке рабочего процесса. Здесь и берёт своё начало масштабное разделение и подразделение труда, характерное для современного промышленного общества.

Римский афоризм, гласящий, что закону нет дела до мелочей, можно по справедливости отнести и к мегамашине. Силы, приводимые в движение царём, требовали коллективных проектов соразмерного порядка: крупномасштабных операций, связанных с изменением облика земли, — поворота рек, рытья каналов, сооружения мощных стен. Как это обстоит и с современной технологией, мегамашина начинала всё больше навязывать свой диктат обслуживавшим её рабочим, перечёркивая другие, более живые человеческие потребности. Человеческие машины по природе своей были огромны и безлики — если не сказать, что намеренно обезчеловечены; они или действовали с большим размахом, или вовсе бездействовали, ибо никакая армия чиновников, сколь бы усердна она ни была, не могла бы непосредственно управлять работой тысячи маленьких мастерских или земельных хозяйств, если бы у них всех сохранялись собственные традиции, собственные ремесленные навыки, своя осознанная личная гордость и чувство ответственности. Поэтому жёсткая форма контроля, присущая коллективной машине, вплоть до нашей эпохи ограничивалась лишь крупными массовыми предприятиями и крупномасштабными операциями. Этот изначальный недостаток мешал расширению мегатехники до тех пор, пока не изобрели механической замены для живых работников.

Значение бюрократического звена между источником власти — божественным царём — и теми живыми человеческими машинами, что выполняли строительные или разрушительные работы, едва ли можно переоценить; к тому же именно бюрократия занималась сбором ежегодных налогов и податей, которые поддерживали новую социальную пирамиду, и насильственным образом набирали рабочую силу, составляющую основу новой механической фабрики. По сути, чиновничество являлось третьим типом «незримой машины» (можно назвать её машиной коммуникаций), существовавшей рядом с военной и трудовой машинами и служившей неотъемлемой частью законченной тоталитарной структуры.

Не последней по важности особенностью классической бюрократии является то, что она ничего не производит: её задача — передавать без изменений или отступлений приказы, исходящие свыше, из центрального «штаба». Никакие местные сведения или человеческие соображения, которые могли бы изменить этот неподатливый процесс передачи, не допускаются. Жёсткую организацию могут нарушить лишь коррупция или открытый бунт. В идеале, подобный административный метод требует старательного подавления любых самостоятельных порывов личности, а также готовности исполнять повседневную работу с ритуальной точностью. Как мы уже видели, такой ритуальный порядок проникает в рабочий процесс не впервые; в действительности, представляется в высшей степени сомнительным, чтобы подобного подчинения бесцветному режиму бесконечного повтора можно было бы добиться на данном этапе, если бы этому не предшествовала тысячелетняя дисциплина религиозного ритуала.

Бюрократическая регламентация на самом деле являлась частью более общей регламентации жизни, порождённой ориентированной на власть культурой. Ничто так не следует из «Текстов пирамид», с их утомительным повтором формул, как невероятная способность выносить однообразие — способность, предвосхитившая тот пик всеобщей скуки, которого достигла уже наша эпоха. Это тяжкое давление слов — психологическая сторона систематического и всестороннего давления, породившего и запустившего машину. Лишь те, что оказались достаточно послушными, чтобы выносить такой режим, — или достаточно инфантильными, чтобы радоваться ему, — становились эффективными «винтиками» в человеческой машине на каждой из стадий её работы, от получения приказа до его выполнения.

4. Возвеличивание личности

Приметы этого космического механического порядка легко опознаваемы. Прежде всего, как мы уже отмечали, произошло изменение масштаба. Привычка «мыслить по-крупному» появилась одновременно с первой человеческой машиной; ибо сверхчеловеческий масштаб, применённый к индивидуальным структурам, увеличивал личное могущество властителя. В то же время, он способствовал уменьшению видимого размера и значения всех необходимых человеческих составляющих, кроме энергичного и поляризующего центрального элемента — личности самого царя.

Парадоксальным образом, монополия власти породила и монополию личности, ибо только царь был наделён всеми атрибутами личности — как теми, что коренились в общинном устройстве, так и теми, которые, по-видимому, именно в эту пору стали постепенно зарождаться и в человеческой душе, теперь уже проклёвывавшейся сквозь социальную скорлупу, внутри которой прошёл весь эмбриональный период её существования.

На этой наиболее ранней стадии личность и власть шли рука об руку: обе воплощались в фигуре царя. Ведь один только царь мог принимать решения, изменять старинные местные обычаи, создавать новые установления и претворять в жизнь коллективные деяния, никогда прежде не то что не совершавшиеся, но даже и не замышлявшиеся. Короче говоря, он вёл себя как ответственная личность, способная на разумный выбор и свободная от уз племенного обычая: когда этого требовала ситуация, он волен был поступать как нонконформист и своими указами и законами вызывать отклонения от давних традиций предков.

Как и некоторые исконные царские монополии — например, на бессмертие, — отдельные из этих прерогатив могли в конце концов, под известным давлением, переходить и ко всей общине. Однако здесь следует обратить внимание на усиление личности: все старые мерки были преодолены — точно так же, как раздвинулись и физические границы деревенского горизонта и узкой сельской общины. Отныне границей служил небосвод, а город представлялся не больше и не меньше, чем целым самостоятельным миром, оказавшимся во всех отношениях ближе к Небесам.

И на практике, и тем более в воображении, это увеличение масштаба применялось ко времени и пространству. Крамер замечает, что при ранних династиях легендарным владыкам приписывали невероятно долгие сроки царствования: всего восемь царей якобы правили около четверти миллиона лет до всемирного потопа, а две первые династии после потопа — около двадцати пяти тысяч лет. Это соответствует тем промежуткам времени, которые египетские жрецы всё ещё приписывали древней истории периода пребывания в Египте Геродота и Платона. Даже для чистого вымысла это огромные цифры. Новая черта культуры достигла апогея в отвлечённых вычислениях майя; так, Томсон сообщает: «На одной стеле в городе Киригуа начертаны тщательные подсчёты, уводящие нас вглубь прошлого на девяносто миллионов лет с лишним; а на другой стеле, неподалёку, самое раннее из указанных событий, судя по дате, произошло будто бы четыреста миллионов лет назад».

Но такое умножение истёкших лет выступало лишь светской стороной более общего процесса расширения власти, символически представленного в царских притязаниях на бессмертие. Поначалу в Египте оно считалось исключительно атрибутом божественного царя, пусть даже слуги и приближённые сановники царя тоже могли разделять эту надежду на бессмертие (как было и в Шумере, где в помещении царской усыпальницы в Уре одновременно умерщвляли всех придворных — предположительно, для того, чтобы они сопровождали своего владыку в загробный мир).

В шумерском мифе о потопе царь Зиусудра («двойник» библейского Ноя) получает награду от богов Ана и Энлиля, но не символическую радугу, а дар «вечной жизни, как у богов». Желание жить безгранично долго являлось частным случаем общего стремления к устранению всяких границ, которое возникло при первой огромной концентрации власти посредством мегамшины. Любая человеческая слабость — и прежде всего, смертность, — оспаривалась и опровергалась.

Но если биологическая неизбежность смерти и разложения смеётся над инфантильными фантазиями об абсолютной власти, за осуществление которых взялась человеческая машина, — то не меньше смеётся над ними и сама жизнь. Картина «вечной жизни» — без зачатия, роста, плодоношения и распада, — то есть картина существования такого неподвижного, такого же лишённого любви и цели, такого же неизменного, как и существование царской мумии, — это не что иное, как картина смерти, только в ином обличье. Ну чем не возврат к тому состоянию покоя и неподвижности, в каком пребывают устойчивые химические элементы, ещё не соединившиеся в достаточно сложные молекулы, чтобы творить новые формы? С точки зрения человеческой жизни, да и всякого органического существования, такое утверждение абсолютной власти было признанием психологической незрелости — полным непониманием естественных процессов рождения и роста, созревания и смерти.

Культ древних богов плодородия никогда не чурался смерти: он не творил монументальных посмешищ в камне, а обещал возрождение и обновление в ритмичном порядке жизни. А то, что обещала царская власть, было велеречивой вечностью смерти. Если бы не возобладали властные боги, если бы царская власть не нашла негативный способ увеличить размах действия человеческой машины и тем самым не возвысила царские притязания и не

добилась абсолютного повиновения, — весь дальнейший ход цивилизации мог бы оказаться совсем иным.

Помимо желания вечной жизни, достигавшейся как материальными, так и магическими средствами, цари и их боги питали и другие амбиции, которые впоследствии сохранялись на протяжении веков и становились частью вульгарной мифологии нашей собственной эпохи. В шумерском сказании Этана садится верхом на орла, чтобы отправиться на поиски целебной травки для овец, которых поразило бесплодие. Уже тогда у человека родилась (или, по крайней мере, открыто заявила о себе) мечта о полёте; правда, эта мечта всё ещё казалась столь дерзкой, что Этана, подобно Икару, был низринут на землю, когда уже приближался к цели.

Однако вскоре царей стали охранять крылатые львы; а ещё в их распоряжении были небесные вестники, покорявшие пространство и время, чтобы доставлять приказания и предупреждения их земным подданным. Так, внутри царственного мифа машины уже появлялись тайные зародыши будущих ракет и телевизоров. Джинны из сказок «Тысячи и одной ночи» — лишь позднейшие народные продолжения этих гораздо более древних форм властной магии.

Тяготение к власти, отличавшее все ориентированные на небеса религии, со временем сделалось самоцелью. На протяжении всего существования ранней «цивилизации», между 3 000 и 600 годами до новой эры, созидательный импульс достичь абсолютного контроля и над природой, и над человеком переходил от царей к богам и обратно. Иисус Навин приказал солнцу остановиться и сокрушил стены Иерихона звуками военной музыки [52]; до этого раньше сам Иегова предвосхитил ужасы атомного века, когда уничтожил Содом и Гоморру, пролив на эти города огонь и серу [53]; а несколько позже он даже прибег к бактериологической войне, чтобы посеять ужас среди египтян и помочь исходу евреев.

Короче говоря, ни одна из разрушительных фантазий, овладевших умами вождей нашего века — от Кемалю Ататюрка [54] до Сталина, от кремлёвских ханов до пентагонских канов [55], — не была чужда душам богопоставленных творцов первой машинной цивилизации. С каждым новым усилением аппарата власти из бессознательного вырывались все новые причудливо садистские и убийственные импульсы. Эта травма наложила уродливый отпечаток на дальнейшее развитие всех «цивилизованных» обществ. И именно данный факт испещрил всю историю человечества кровавыми пятнами — вспышками коллективной паранойи и племенной мании величия, к которым примешивались злобная подозрительность, смертоносная ненависть и жестокие нечеловечные деяния.

Парадоксальным образом, несмотря на обещание вечной загробной жизни, другой великой прерогативой царской техники стала быстрота: все замыслы царя должны были воплощаться уже при его жизни. Скорость сама по себе является функцией эффективной власти и, в свою очередь, одним из главных средств её выставления напоказ. Эта часть мифа машины настолько глубоко въелась в основы нашей собственной технологии, что большинство из нас потеряло из виду исходную точку. Но царские повеления, как и срочные приказы в армии, требуют выполнения «мигом». Именно там имеет свои истоки нынешняя страсть к сверхскоростному передвижению как показателю статуса человека, уже комично

заявляющая о себе в межконтинентальных «порханиях» на реактивных самолётах деловой и правительственной элиты.

Лучшей иллюстрацией увеличения скорости может служить тот факт, что в Египте (как позднее и в Персии) каждый новый монарх эпохи пирамид строил себе новую столицу, которая оставалась таковой при его жизни. Для сравнения достаточно вспомнить хотя бы длившееся столетиями строительство средневековых соборов в свободных городах, не имевших возможности, подобно царям, собирать для своих нужд огромную силу. С практической точки зрения, прокладывание дорог и каналов, которые служили главными средствами ускорения перевозок и сообщения, на протяжении всей истории было излюбленной формой царских общественных работ; и форма эта достигла своей вершины в железном веке, когда римляне при Нероне задумали проложить Коринфский канал, прорубившись сквозь тридцать метров щебня и скальной породы: если бы эта работа была завершена, она явилась бы увенчанием всех древнеримских подвигов в строительстве дорог и водопроводов.

Лишь экономика изобилия, причём в эпоху, когда в долине Нила насчитывалось самое большее около четырёх-пяти миллионов жителей, могла бы себе позволить ежегодно привлекать к работе сотни тысяч людей и обеспечивать их необходимой пищей, для поддержания сил при выполнении своей колоссальной задачи; что в отношении к благосостоянию общества было совершенно бесполезнейшей тратой рабочей силы, какую только можно себе представить. Хотя многие египтологи и не желают согласиться с подобным выводом, высказанное Джоном Мейнардом Кэйнсом определение «пирамидостроения» как ухищрения, необходимого для того, чтобы справиться с избытком рабочей силы в изобильном обществе, правители которого противятся социальной справедливости и экономическому равенству, — отнюдь не неуместная метафора. Это — архетипический пример симулированного производства. Ракетостроение — вот его точный сегодняшний эквивалент.

5. Бремя потребления

Но самым долгосрочным экономическим эффектом первого мифа машины стало разделение всех людей на работающих и тех, кто живёт праздно за счёт излишка, отнятого у тружеников, вынужденных влачить жалкое существование.

Принудительная нищета влекла за собой принудительный труд; в сельскохозяйственном обществе и то, и другое объяснялось царской монополией на землю и царским правом узуфрукта. Согласно аккадским и вавилонским преданиям, боги сотворили людей, чтобы самим освободиться от тягостной необходимости трудиться. Здесь (как и во многих других случаях) боги уже сделали в людском воображении то, что в действительности сделали цари. В мирное время цари и знать жили по принципу удовольствия: ели, пили, охотились, играли, совокуплялись, — и всё это делалось в обстановке показной роскоши. Поэтому в период, когда обретал форму миф машины, в поведении и фантазиях правящих сословий впервые сказались проблемы экономики изобилия, — и здесь как бы заранее отразив процессы, разворачивающиеся в нашу эпоху.

Если внимательно проследить за развитием заблуждений правящих классов на протяжении всей истории, мы увидим, сколь далеко было большинство из них от понимания ограничений простой физической силы и жизни, сосредоточенной на лёгком потреблении, — то есть убогой жизни паразита, кормящегося за счёт терпеливого хозяина. Скука пресыщения с самого начала преследовала эту экономику избыточной власти, производившую избыточные товары: она приводила к неосознанной личной роскоши и ещё более неосознанным актам коллективных правонарушений и разрушений. А те, в свою очередь служили средством установления высшего статуса правящего меньшинства, чьи желания не знали пределов и чьи преступления превратились в ницшеанские добродетели.

За ранними примерами досадных сторон изобилия далеко ходить не надо. Одна египетская история, переведённая Флиндерсом Петри, повествует о пустоте жизни фараона: любое желание правителя исполняется слишком легко, а время давит на него невыносимой тяжестью. В отчаянии фараон обращается к своим советникам, чтобы те помогли избавиться ему от скуки. Тогда один из них даёт ему классический совет: пусть царь велит заполнить лодку облачёнными в тонкие одеяния, почти нагими, девушками, которые будут грести по воде и петь для него песни. К величайшей радости фараона, ему удаётся на время прогнать мучительную тоску; так, по меткому замечанию Петри, придворный фараона изобрёл первое «музыкальное ревю» — это неизменное утешение «усталых дельцов» и солдат в увольнении.

Однако слишком часто подобных преходящих способов развеяться оказывалось недостаточно. Среди немногочисленных литературных документов, обнаруженных к настоящему времени, имеются два текста — один египетский и один месопотамский, — где говорится о самоубийстве. В обоих случаях знатный богач, которому доступна любая роскошь и чувственное удовольствие, находит свою жизнь невыносимой. Его легко сбывающимся мечтам недостаёт пряной приправы действительности. Египетский спор между человеком и его душой относится к периоду, последовавшему за крушением эпохи пирамид, и описывает отчаяние представителя высшего сословия, решившего уйти из жизни, — что по-своему снимало иррациональность, господствовавшую в верхах египетского общества. Но месопотамский диалог богатого хозяина со своим рабом, относящийся к первому тысячелетию до новой эры, ещё характернее: вельможа признается, что ни накопленные богатства, ни власть, ни любовные наслаждения не наполняют жизнь смыслом. Другой текст, относящийся уже к VII веку до новой эры, — «Диалог о жалкой участи человека», — более подробно затрагивает данную тему. Этот документ окрестили «вавилонским Екклесиастом», что само по себе свидетельствует о глубине его пессимизма: в «Диалоге...» говорится о горечи власти, не знающей смягчения любовью, о тщете богатства, обречённого наслаждаться лишь теми благами, что продаются за деньги.

Если это — всё, на что могло надеяться обласканное судьбой меньшинство, в оправдание тысячелетий неустанных коллективных усилий и жертвоприношений, то становится очевидным, что культ власти с самого начала основывался на грубом заблуждении. Поэтому конечный результат оказался для сословия правителей таким же вредоносным, каким был сам механизм для обездоленных и социально униженных тружеников и рабов.

Итак, уже с самых ранних ступеней развития, под давлением мифа о божественной царской власти деморализующие стороны неограниченной власти проступали как в легендах, так и в документированной истории. Однако длительное время эти недостатки заслонялись непомерными надеждами, которые пробуждала в умах людей «незримая машина». Хотя множество отдельных изобретений длительное время оставалось вне досягаемости коллективной машины, которая могла предоставлять лишь частичную и неуклюжую замену, тот дух, что стоял за этими изобретениями, — стремление покорить пространство и время, ускорить передвижение и сообщение, укрепить человеческую мощь с помощью космических сил, значительно увеличить промышленное производство, насколько возможно повысить потребление, установить систему абсолютного контроля и над природой, и над человеком, — всё это уже укоренилось и обрело щедрую подпитку на почве фантазии в первую эру мегамашины.

Одни семена сразу же пустили мощные ростки, а другим, чтобы прорасти, понадобилось пять тысячелетий. Когда это происходило, вновь появлялся — в том или ином обновлённом обличье — божественный царь. И сопровождали его все те же инфантильные амбиции, раздутые паче прежних границ, предстающие иными лишь из-за того, что они наконец стали осуществимыми.

6. Эпоха строителей

Итак, хотя никакое установление не может держаться на одном лишь самообмане и заблуждениях, мегамашину всё же следует считать одним из великих механических изобретений; в самом деле приходится сомневаться в том, удалось ли бы довести машины до нынешнего совершенства, если бы начальные уроки «машиностроения» не были впервые проведены на податливом и обособленном человеческом материале.

Мегамашина не просто явилась моделью для всех последующих сложных машин, но и позволила привнести необходимый порядок, преемственность и предсказуемость в сумбур повседневной жизни, когда запасы продовольствия и система водных каналов вышли за пределы масштаба неолитической деревушки. Более того, мегамашина нарушила капризное единообразие племенного обычая, предложив взамен более рациональный (и потенциально универсальный) метод.

Правда, для основной массы людей тот строгий, ограниченный и зачастую угнетающий образ жизни, какой навязывала им «цивилизация», не имел смысла в сравнении с деревенским образом жизни, внутренние императивы и правила которого были более человеческого свойства. Однако вся структура, порождённая мегамашинной, имела неизмеримо большее значение: ведь она наделяла самое малое из своих звеньев космической участью, выходявшей за рамки обычного биологического существования или общественной преемственности. В новых городах все разъединённые человеческие части сводились в некое единство высшего (как представлялось) порядка.

Как мы увидим, когда полнее представим себе устройство мегамашины, многие отрицательные факторы, сопутствовавшие её возникновению, лишь усиливались, а не

ослабевали по мере её успешного развития. Однако прежде чем исследовать эти отрицательные черты, необходимо объяснить и практический успех, и видимую популярность самого института в течение многих веков и в различных культурах.

Поначалу достоинства божественной царской власти, должно быть, поражали и ослепляли всех людей. Ибо это была «эпоха строителей», и возводившиеся новые города изначально задумывались как подобия Небес. Никогда прежде нельзя было заполучить такое количество энергии для постоянного выполнения величественных общественных работ. Вскоре города, возводимые на рукотворных насыпях, возвышались на двенадцать метров над уровнем воды, их окружали стены толщиной в шесть, а то и в пятнадцать метров, причём наверху они достигали такой ширины, что там могли свободно разъехаться две колесницы. Воздвигались и огромные «дворцы», где размещалось пять тысяч вооружённых людей, столовавших на общей кухне. А храмы высотой в двадцать пять метров — как, например, в Шумере, — находились внутри священного участка, огороженного ещё одной стеной. Такие «теменосы» были настолько велики, что во время празднеств там умещалась большая часть населения, чтобы лицезреть священные обряды.

В новых городах Месопотамии выросли большие здания, глиняные поверхности которых были покрыты блестящей глазурью, иногда даже отделаны золотом, а порой инкрустированы полудрагоценными камнями и украшены монументальными изваяниями львов или быков; подобные же сооружения, построенные в различной форме и из разных материалов, стали появляться повсюду. Такие здания, естественно, составляли предмет общей гордости; ведь даже последний работяга в новых пышных центрах и городах был косвенно причастен к этим порождениям мощи, к этим чудесам искусства, каждодневно лицезрея жизнь, совершенно чуждую каким-нибудь скромным крестьянам или пастухам. Даже на селян из дальних краёв эти монументальные постройки действовали как магнит: периодически, в дни празднеств, народ со всей страны стягивался в крупные столицы — в Абидос или Ниппур, а позднее — в Иерусалим или Мекку, в Рим или Москву.

Масштабная строительная деятельность сделалась основой более напряжённого, сознательно направляемого образа жизни: ритуал перевоплощался в драму, на смену старым порядкам приходили новые обычаи, новые ресурсы, стекавшиеся со всех концов огромной долины, индивидуальные умы постоянно оттачивали свои способности, общаясь с другими, превосходившими их, умами; коротко говоря, это была новая жизнь города, где каждая прежняя сторона существования усилилась и увеличилась в объёме. Городская жизнь во много крат превосходила деревенскую во всех отношениях, благодаря поставкам сырья с больших расстояний, быстрому освоению новой техники, смешению разных расовых и национальных типов. В книге «Город в истории» я уже воздал должное этим коллективным выражениям порядка и красоты.

Если деревни и небольшие города были исконными образцами поселений, возведение и культурное возвышение целых огромных городов являлось преимущественно делом мегамашины. Быстрота строительных работ и укрупнение всех измерений города, особенно его главного ядра — храма, дворца и зернохранилищ, — свидетельствуют о том, что направляла эту работу царская воля. Стены, укрепления, главные дороги, каналы и города в любую эпоху оставались тем, чем они были в «эпоху строителей»: наиболее важными

свершениями «суверенной власти». В самом начале это выражение означало не какую-то конституционную абстракцию, а живого человека.

На протяжении всей истории изначальный образ большого города требовал изрядного человеческого усердия и труда. Великое предназначение царской власти заключалось в преодолении замкнутости и обособленности мелких общин, в устранении тех зачастую малозначащих различий, что отделяют одну человеческую группу от другой и не позволяют им свободно обмениваться идеями, изобретениями и прочими благами, которые могли бы, в конечном счёте, подчеркнуть индивидуальность каждой из них.

При царской власти были созданы общие стандарты мер и весов: границы не просто чётко обозначались, но и — частично из-за экспансии царского могущества, — расширялись, вовлекая всё большее число общин в единую систему. С появлением общего свода законов поведение людей делалось более упорядоченным и предсказуемым, реже случались отступления от правил. В известной степени, эти достижения в области закона и порядка заложили основу более широкой свободы: они открывали путь в мир, в любой части которого любой представитель человеческого рода мог бы чувствовать себя как дома, как в родной деревне.

В той мере, в какой царская власть служила залогом такого полезного единообразия и универсальности, каждая община и каждый член общины получали от этого выгоду. В строительстве городов и создании всех сопутствующих им особых установлений царская власть достигла высшей точки своей созидательности. Большинство видов творческой деятельности, которые мы связываем с «цивилизацией», можно возвести к этому изначальному применению общественных и технических сил. Эти работы порождали крепкую уверенность в могуществе человека, отличную от магических заблуждений и наивного самообмана. Цари продемонстрировали, как много могут совершить многочисленные общины, если их организовать в коллектив из крупных механических единиц. Воля, которая смогла добиться этого великого свершения, казалась поистине богоподобной. Если бы это не исказило человеческую психику, со временем благотворные последствия могли бы распространиться на всю человеческую деятельность, возвысив и усилив всю обыденную жизнь на планете.

Могучие культурные герои и цари, замыслившие мегамашину и выполнившие эти задачи, от Гильгамеша и Имхотепа до Саргона и Александра Македонского, пробуждали своих современников от ленивой спячки и пассивного притяжения узких «естественных» ограничений: они призывали их «затянуть невозможное». А когда такая работа совершалась, то, что прежде казалось невозможным для человеческих сил, оказывалось осуществлённым. Начиная приблизительно с 3500 года до новой эры ни один из замыслов, посещавших человеческое воображение, уже не казался недостижимым для могущества царской власти.

Впервые за всю историю развития человека личность по крайней мере, некоторые фигуры, возвысившие себя над прочими) наконец преодолела привычные границы пространства и времени. Благодаря самоотжествлению и косвенному участию — пусть в качестве свидетеля, если не активного помощника, — простой человек с гордостью ощутил весь размах человеческих возможностей, получивший выражение в мифах о богах, в

астрономических познаниях жрецов, в чреватых серьёзными последствиями решениях и деяниях царей. В течение одной людской жизни ум достигал более высокого состояния созидательности и более насыщенного сознания бытия, чем было доступно любым живым существам когда-либо прежде. И именно это — а не расширение торговых связей или имперские походы — являлось самой важной составляющей так называемой городской революции.

Хотя такое обострённое осознание человеческих возможностей было уделом дерзостного меньшинства, оно не могло, подобно астрономическим знаниям жречества, оставаться «тайной за семью печатями», ибо пронизывало все проявления «цивилизации» и окружало их атмосферой благополучной рациональности.

Люди уже не жили, день ото дня благоговейно оглядываясь на прошлое, воскрешая его в мифе и ритуале, и одновременно опасаясь любых новшеств в страхе потерять всё, что было. Письменность и архитектура, да, по сути, и сам город, стали прочными и независимыми воплощениями человеческого ума. Хотя городская жизнь породила внутренние конфликты и трудности, от которых малые общины в силу своего единомыслия были защищены, — новые особенности этого более открытого образа существования раскрывали перед человеком и новые возможности.

Если бы были осознаны все зарождающиеся преимущества этих масштабных замыслов, а высшие функции городской жизни получили более широкое распространение, большинство ранних сбоев мегамшины можно было бы вовремя предотвратить, и даже её случайные понуждения удалось бы как-то облегчить и в конце концов устранить. Но, к несчастью, боги обезумели. Божества, на которых лежала ответственность за эти успехи, предпочитали пороки подлинным достоинствам: ибо они жирели на человеческих жертвоприношениях и изобретали войну как окончательное доказательство «суверенной власти» и высшего искусства «цивилизации». Если в подъёме «цивилизации» главную роль сыграла рабочая машина, то её двойник, военная машина, отвечала главным образом за повторяющиеся циклы истребления, разрушения и самоуничтожения.

Версия #1

Зверобой создал 15 января 2026 23:31:14

Зверобой обновил 15 января 2026 23:32:52